

венной власти, основной задачей которой стало бы обеспечение общественной безопасности и безопасности граждан.

Общественная полиция (в последующем – милиция) в силу «крайней опасности централизации ... силы в руках правительства, как для гражданской свободы, так и для здорового развития местной жизни», по мнению разработчиков проекта реформы, должна была состоять в ведении земского и городского самоуправления. В этом смысле реформаторы опирались на зарубежный опыт европейских государств, имеющих муниципальную полицию, и даже изначально использовали аналогичное наименование.

Комиссией даже рассматривался вопрос об учреждении специальной полиции (в том числе и по финансовому, судебному и военному управлению), которая «могла бы возникнуть в случае недостаточности сил милиции и целью которой явилась бы исключительная защита свободы, личности, имущества, общественного спокойствия и безопасности», однако, сам термин «полиция» к апрелю 1917 года полностью дискредитировал себя, поэтому от этой идеи пришлось отказаться.

Вместо этой дефиниции предлагалось использовать термины «гражданская стража», «народная милиция» и другие. После проведенного обсуждения и голосования было решено использовать термин «милиция» [7, л. 15].

Итогом обсуждений стали проекты Временного положения о милиции, принятого постановлением Временного правительства 17 апреля 1917 года. Милиция Временного правительства была создана в Петрограде, Москве и ряде других городов буржуазно-республиканской России, однако, говорить о полномасштабной реализации милицмейской реформы не приходится. В результате Октябрьской революции 1917 года Временное правительство было низложено, а его реформы – свернуты.

Источники и литература

1. Лясевич Т.Г. Законотворчество Временного правительства: определение нормативных основ выборов органов государственной власти // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции). Материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1288. Оп. 3. Д. 13.
3. РГИА. – Ф. 560 Оп. 26 Д. 1470.
4. Борисов А.В. Министры внутренних дел. 1802 – октябрь 1917 года. -СПб., 2001. – С. 302–303.
5. РГИА. – Ф. 857 (Фонд Зарудного) Оп. 1 Д. 1612.

РОССИЙСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

А.Ю. Давыдов

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена

Кооперация – сто лет назад ее еще называли «самопомощью» – как специфическая форма организации труда и совокупность самодеятельных объединений тружеников активно эволюционировала в России с рубежа XIX–XX вв. К переломному 1917 г. ею был накоплен значительный экономический потенциал. Появилась развитая система производства, хранения, транспортировки, распределения различных сельскохозяйственных и промышленных товаров; в тысячах товариществ и обществ трудились квалифицированные и образованные организаторы. В последовавший после февраля 1917 г. период кооперация представляла одно из основных средств

преодоления молодой российской демократией снабженческо-распределительного кризиса. В данной статье будет уделено преимущественное внимание выяснению ее места в решении жизненно важной задачи обеспечения населения провизией; автор предпринимает также попытку определить место «самопомощи» в осуществлении продовольственной политики власти. Учтем, что трудах некоторых отечественных авторов содержатся сведения о существенном вкладе кооперации в снабжение горожан съестными припасами в изучаемый период [1, с. 317, 425-427; 2, с. 114, 115; 3, с. 62, 64, 142]. Однако еще не формулировался вывод о ее функции ведущего организатора общегосударственного продовольственного дела.

В ходе и после революционных февральско-мартовских событий лидеры кооперации единогласно и безоговорочно поддержали новые власти [4, с. 356-357]. Авторитетные представители «самопомощи» вошли в состав Министерства земледелия, возглавлявшегося А.И. Шингаревым. В частности, важную должность товарища министра земледелия занял председатель Центрального кооперативного комитета В.Н. Зельгейм. Когда же в мае 1917 г. образовалось Министерство продовольствия, то оказалось, что оно почти целиком состоит из кооператоров [5, с. 7; 6, с. 128].

Вместе с тем Временное правительство потребовало от кооперации разрешения сложнейшей продовольственной проблемы. Задача была некорректной, ибо кооперация обязывалась решать ее в одиночку. Разберемся в этом вопросе. В конце марта 1917 г. вводится хлебная монополия, формально декларирующая переход товарных запасов сельских производителей в ведение государства. При этом крайне ограничивалась (иногда запрещалась) деятельность частного капитала на хлебном рынке. Данная акция была ошибочной, ибо осуществлять радикальную реформу подобного рода могли лишь хорошо организованные государственные структуры. Усиление вмешательства государства в экономику непременно должно сопровождаться повышением эффективности его учреждений. Ничего подобного в 1917 г. не наблюдалось. В конечном счете одна кооперация оказалась не в состоянии компенсировать слабость многочисленных ведомств и при этом заменить частный капитал на рынке.

Примечательно, что вскоре после февральских событий рассматривались альтернативные варианты продовольственной политики. В двадцатых числах марта фирма «Стахеев и Ко» представила министру земледелия свой проект налаживания продовольственного дела в стране. Новую организацию предлагалось создать «по образцу крупного торгового дома, имеющего повсеместно в России свои агентуры» [1, с. 12]. Но Временное правительство отказалось принять этот проект как лишенный революционной направленности.

Все излишки зерна и фуража объявлялись собственностью государства и абсолютное предпочтение в их заготовке отдавалось кооперативам и общественным организациям [7, с. III, 16; 8, с. 9]. В соответствии с «Положением о кооперативных товариществах и союзах», изданным Временным правительством 20 марта 1917 г., ликвидировались все преграды на пути создания обществ, товариществ и их объединений [3, с. 84]. Новая власть сделала ставку на кооперацию как на самую массовую общественную организацию. Именно в расчете на нее оно строило свою продовольственную политику.

Состоявшийся 25 марта 1917 г. Всероссийский съезд кооперативных объединений, на котором присутствовало 600 делегатов от 250 союзов, провозгласил отказ от «исторического» принципа кооперации – ее политической нейтральности и независимости. Делегаты пообещали выполнить задания по заготовке и распределению продуктов питания. В этих целях был создан руководящий орган

– Совет всероссийских кооперативных съездов во главе с будущим министром продовольствия С.Н. Прокоповичем [8, с. 12]. Член этой организации А.М. Беркенгейм в августе революционного года заявил: «Нам было предложено тогда помочь правительству в продовольственном деле. И скромно, без единого слова отступая на политической арене, приняли мы за это дело... Мы готовы на все жертвы» [9, с. 297, 298]. Свою миссию в 1917 г. деятели кооперации рассматривали как жертву на алтарь революции. Это справедливо, ибо следует учесть отсутствие условий корректности (о чем говорилось выше).

С апреля 1917 г. кооператоры с головой окунулись в практическую работу. Они вошли в состав губернских продовольственных комитетов и взяли на себя закупки, хранение, транспортировку и распределение провизии [2, с. 314, 315; 5, с. 14]. Кооперация предоставила в распоряжение государства ссыпные пункты, элеваторы, обозы, транспорт, конторы, торговые представительства. В стране насчитывалось почти 60 тыс. потребительских, сельскохозяйственных, кредитных, маслодельных и прочих обществ и товариществ, объединивших 20 млн. членов [10, с. 225]. Быстро налаживалось так называемое собственное производство. По отношению к началу 1918 г. данным Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза), именно в 1917 г. организовалось большинство кооперативных мельниц, пекарен, кузниц, а также предприятий – мыловаренных, маслобойных, кожевенных, обувных, кондитерских, колбасных. Осуществлялся процесс консолидации кооперативных усилий; к октябрю 1917 г. в стране имелось 612 союзных объединений, в том числе самое крупное и богатое – Центросоюз. О месте кооперации в товарно-распределительной системе дает представление такой факт: в Петрограде в июне 1917 г. кооперативы продали по государственным твердым ценам 40 тыс. пудов сахара, что составило более половины всех закупок этого сладкого товара жителями столицы [11, с. 98; 12, с. 293; 13, с. 194].

Кооперация добилась значительных успехов в налаживании закупок провизии у помещиков и крестьян. Хлебозаготовки 1917 г. дали 360 млн. пуд. зерна. Это не так уж и мало: за последние восемь месяцев существования царской власти было заготовлено всего на пять миллионов пудов больше [1, с. 442]. Приведем выразительный факт: большевистский Наркомпрод в 1918 г. ценой невероятных жертв заготовил в 7 раз меньше, при этом численность населения, проживавшего на подконтрольной Совнаркому территории, была меньше всего лишь примерно на треть. Если ситуацию революционного года считать голодом, то обстоятельства следующих четырех кварталов следует признать несовместимыми с жизнью. Как представляется, голод в 1917 г. не стал атрибутом российской повседневности. К паническим заявлениям очевидцев во многих случаях стоит отнестись критически. Перебои в поставках провизии нередко представлялись ими в виде массового явления. Вообще людям присуще стремление абсолютизировать первые проявления любого социального зла. Если бы они предвидели, с какими ужасами им придется встретиться в 1918 г., то выражались бы сдержаннее и не поддавались панике.

В революционном году сохранялись рыночные методы регулирования продовольственного дела. В некоторых регионах удалось наладить его оперативное финансирование, которое в немалой мере обеспечивал Московский народный банк – центр кредитной кооперации. В 1917 г. банк стал крупнейшим подобным учреждением в России и располагал пятнадцатью отделениями в разных регионах – вместо двух в 1916 г. [11, с. 94; 14, с. 42]

Между тем энтузиазм и профессионализм активистов товариществ и обществ далеко не всегда могли заменить недостаточные материальные ресурсы и

организационные возможности. Уже летом 1917 г. у кооперации появляется мощный конкурент – мешочничество. Все яснее становилось, что кооперация далеко не всегда справлялась с заготовительной работой в обширных хлебопроизводящих областях. Деревенским домохозяевам приходилось отвозить зерно к государственным элеваторам за десятки километров, а в некоторых уездах они вынуждались сутками стоять в очередях к ссыпным пунктам и кассам [15, с. 7]. К тому же высокая инфляция поощряла сельских производителей сбывать продукты мелким нелегальным снабженцам – мешочникам, вездесущим и предлагавшим крестьянам повышенные цены за находившийся в их амбарах товар.

Для того, чтобы пресечь мешочничество требовалась сильная и рационально организованная власть. Прежде всего ей следовало преодолеть синдром революционаризма и привлечь все лояльные общественные силы к борьбе с надвигающимся голодом, прежде всего незамедлительно мобилизовать частный капитал. К этому кооператоры стали настоятельно призывать правительство в середине августа на московском Государственном совещании. Там же они потребовали создания «твердой и единой власти» [9, с. 298-300]. С похожими обращениями деятели «самопомощи» выступали на проходившем в Москве 14-22 сентября Демократическом совещании. Сдвиг кооперации вправо, к консерватизму и общественному компромиссу большевистские агитаторы оценили таким слоганом: «Кооператоры! Их выбор неминуем, кооперация с буржуем!» [3, с. 163]

Корниловский мятеж и его разгром усугубили политический кризис и все назревшие реформы продовольственной политики ушли на второй план. Осенью 1917 г. налаженная в первые месяцы после революционных февраля-марта продовольственная организация начала разрушаться. Вместе с тем ее дестабилизация, во-многом обусловленная транспортным кризисом, до конца осени не приобретала необратимого характера. Лишь октябрьский переворот, крайне возмутивший кооператоров, заставил их покинуть продовольственные органы. Тогда голод в хлебопотребляющих регионах стал неотвратимым.

Источники и литература

1. Волобуев, П.В. Экономическая политика Временного правительства / П.В. Волобуев. – М. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1962. – 483 с.
2. Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб / И.П. Лейберов, С.Д. Рудаченко. – М. : Мысль, 1990. – 222 с.
3. Фарутин И.А. Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России / И.А. Фарутин // Ученые записки Калининградского государственного университета. Вып. 4. Общественные науки. Калининград: Изд-во «Калининградская правда», 1970. – С. 60-176.
4. Катков Г.М. Февральская революция / Г.М. Катков. Париж: YMCA-PRESS, 1984. – 431 с.
5. Зельгейм В.Н. Участие кооперативных организаций в продовольственном деле: Доклад / В.Н. Зельгейм. М. : Совет всерос. кооп. съездов, 1917. – 23 с.
6. Хейсин М.Л. Исторический очерк кооперации в России / М.Л. Хейсин. Пг. : Кооперация, 1918. – 182 с.
7. Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М. : Совет всерос. кооп. съездов, 1917. – XIV, 29 с.
8. Резолюции, принятые на Первом Всероссийском съезде представителей кооперативных союзов, объединений и комитетов в Москве. 25-28 марта 1917 г. М. : Совет всерос. кооп. съездов, 1917. – 13 с.
9. Государственное совещание: стенографический отчет. М.; Л. : Гос. изд-во, 1930. – XXIV, 372 с.
10. Год русской революции. Сб. ст. М. : Земля и воля, 1918. – 233 с.

11. Фроммет Б. 25 февраля 1917 г. – 1 января 1918 г. / Б. Фроммет // Вестник кооперации. – № 1-2. – 1918. – С. 82-101.
12. Днепровский С.П. Кооператоры. 1898-1968 / С.П. Днепровский. М.: Экономика, 1968. – 383 с.
13. Ленинградская кооперация за 10 лет. Л.: ЛСПО, 1928. – 530 с.
14. Соглашение Народного банка с Министерством продовольствия // Петроградский кооператор. – 1917. – Октябрь. – № 25-29. – С. 42.
15. Деньги для расплаты за хлеб // Известия Уфимского губернского продовольственного комитета. – 1917. – № 16-17. – С. 7-8.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОВИНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА)

И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев
Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Великая Российская (Русская) революция – эпохальное событие XX в., во многом определившее судьбы не только Российской империи, но и всего мира. Февральский переворот 1917 г. привел к власти Временное правительство, главным направлением деятельности которого стала организация нового высшего органа страны – Всероссийского Учредительного собрания. Однако революционный процесс в 1917 г. активизировал деятельность крайне правых и крайне левых политических сил, что привело в конечном итоге к дискредитации идеи Учредительного собрания. В августе 1917 г. генерал Л.Г.Корнилов попытался установить военную диктатуру в стране, но был разгромлен. 1 (14) сентября 1917 г. Россия была объявлена республикой. В стране нарастал социально-экономический кризис. В октябре 1917 г. партия большевиков свергла Временное правительство. На всей территории России провозглашалась советская власть. В январе 1918 г. большевики разогнали Учредительное собрание и весной 1918 г. окончательно закрепили свое правящее положение. В том же году отстраненные от власти политические силы сформировали Белую армию, которая начала вооруженную борьбу с советской властью. Вспыхнула гражданская война, явившаяся логическим продолжением революционных событий 1917 г. [1; 2; 10; 20].

Все национальные регионы Российской империи в той или иной мере ощутили на себе воздействие революции 1917–1922 гг., даже такие отдаленные от основных фронтовых и прифронтовых территорий, как расположенная на крайнем Северо-Востоке Европы обширная территория, с рубежа I и II тысячелетий н.э. населенная, в основном, коми и ненцами – с вкраплением немногочисленных русских старожильческих селений, появившихся тут в XVI-XVIII столетиях (современные Республика Коми и Ненецкий автономный округ) [3; 9; 19]. Революционные события, протекавшие в этом крае, имели существенные отличия от действий, происходивших в столицах и иных крупных городах империи.

Основная территория Европейского Северо-Востока была разделена между Усть-Сысольским и Яренским уездами Вологодской губернии и Печорским уездом Архангельской губернии [4; 21]. Местное население не было особенно политизировано. Первые политические организации, организованные жителями обширного (около 600 тыс. кв. км) региона под влиянием событий Первой русской революции, в основном, не выходили за пределы окрестностей «столицы Зырянского